

Илья Бояшов

Игнатий Брянчанинов

(окончание, начало в № 2–2023)

Из воспоминаний архимандрита Игнатия (Малышева), первого келейника епископа Игнатия Брянчанинова:

На прием светских лиц архимандрит был не ровен; редким удавалось понять его. Иногда он, как юродивый, бывало, раскричится, а иногда молчит, слова не дождешься, посетители не знают, как и уйти из гостиной. А зато, как разговорится, то слушал бы его, не отходя несколько суток.

Маленький Игнатий всегда торчал при нем и часто, по сыновней любви, делал ему замечания: «Зачем, батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об Вас ложные заключения». А он, бывало, махнет рукой, говоря: «Я не светский человек, не умею рассчитывать», — пойдет к себе в кабинет и ляжет в угол, прибавив: «Вот мое место».

И здесь-то он был истинный аскет, не отошел бы от него: речи его, как гусли, сладкозвучно услаждали ум и сердце. «Видел я, — свидетельствует Маленький Игнатий, — двух человек: нашего батюшку и пустынного старца Исаию Никифоровского; видел их вместе, видел и порознь, и благодарю Бога, что сподобил Он меня видеть святых людей».

Еще говорит о. Игнатий Маленький, что в продолжение двадцати четырех лет он не помнит случая, чтобы о. архимандрит отказал в приеме братии: дверь его для всех была открыта, и он любил, чтобы приходили к нему. Отец Игнатий припоминает, как он в новоначалии надоедал своему старцу ежеминутным испрашиванием благословения, имея обычай не приступать без этого ни к какому делу. Бывало, в пятом часу утра послушник будит своего настоятеля, чтобы получить благословение идти к утрени, и о. архимандрит никогда не прекращал такого порядка и не отягощался им.

Ему не нравилось, когда кто-либо из братьев уклонялся от него или боялся его. Все ближайшие ученики всегда находились около него, как пчелы около матки. Он приучал их к чтению Св. Писания, часто приглашал к себе и заставлял читать, как бы нужное для него самого, и усматривал, кто как читает, с какою верою и любовью к слову Божию. Келейников своих он заставлял читать каждый день утреннее и вечернее правило. Многие из них ежедневно вечером приходили исповедовать грехи свои, не оставляя до другого дня никакого греховного помысла, и получали разрешительную молитву. Вследствие чего они были веселы и легки, как на крыльях летали. Старец не любил уныния и, если замечал в ком уныние, спрашивал причину и разбивал словом утешения, прибавляя: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел».

Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это большею частью те, которые получили начальное воспитание в других монастырях; они-то и составляли противную партию, не желая жить по правилам отеческим, и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. В последующее время много пострадал за это от противной партии старец схимонах Макарий, к которому также новоначальные ходили на исповедь и откровение, между тем как сказано у Аввы Дорофея, что все живущие без назидания падают, как листвие, и погибают. Авва Исаия говорит: «Каждый помысл, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится брань твоя. Из-за стыда не позволяй себе скрыть ни одного такого помысла, потому что демоны находят себе место только в том человеке, который утаивает свои помыслы, как благие, так и лукавые» (гл. 163).

Ученики о. архимандрита Игнатия, в союзе любви между собою, ревновали о деле Божиим: бывало, кто из богомольцев попросит отслужить молебен или панихиду, все стремятся без очереди исполнить как можно лучше, так что сами монашествующие, проходя мимо, остановятся и слушают с наслаждением. Есть и ныне подобные сыны обители, иначе и не мог бы удержаться чин священнослужения в порядке. Архимандрит Игнатий был широкой, возвышенной природы, пылкий, восприимчивый, всему хорошему радовался, как младенец, и эта радость обыкновенно выражалась быстрым ходением, почти беганьем по залу и потиранием затылка. Когда в это время входили ученики, он не замечал их, продолжая бегать и непритворно радоваться. В таких же формах выражались у него и скорби, с тою разницею, что тогда потирал он не затылок, а лоб. Ученики в это время не смели входить, а смотрели в дверные щелки.

Много приходилось о. архимандриту переносить оскорблений, тогда как сам он был необыкновенно добр и благожелателен к ближним. Он

глубоко сочувствовал всякому доброму делу, а его грубо, невежественно оскорбляли, кто несправедливыми притязаниями по службе, кто дерзкими и лживыми порицаниями, — и все это делалось по бесовской зависти, незаслуженно. Тогда, взволнованный скорбью, он обвинял антихриста и его сотрудников; но вскоре успокаивался и, если оскорбление было велико, то удалялся в спальню, спускал густые занавеси на окнах, делал из кельи темницу и запирался на неделю или на две, объявляя себя больным.

В такое время никто не входил к нему, он предавался молитве и плачу до тех пор, пока не придет благодатное посещение свыше и не осенит его неизреченною радостью. По выражению его, не только душа, но и тело, и кости принимали участие в этой радости, по словам Спасителя нашего: Царствие Небесное внутри вас есть (Лк. 17; 21). Истинен глагол Господень! Человек, находясь в таком состоянии, инога блаженства и представить себе не может. Обычно небесному царству приходиться после тяжкой скорби: многими скорбями подобает войти в царство небесное (Деян. 14; 22). Вот тогда-то и совершалось преображение из врагов во Ангелов светлых; об этом он сам выражается в своем «Плаче»: «Я встречал врагов, ищущих головы моей, как Ангелов светлых».

В таком настроении духа архимандрит Игнатий занимался сочинением своих поучений. После долгого затвора всегда являлись на столе поучительные его творения, и сам он выходил из своей темницы со светлым, необыкновенно радостным лицом. Он не скрывал своих творений от учеников: всегда, бывало, прочитает, не из тщеславия, а как будто для проверки. Весьма редкие понимали высокие душевные качества архимандрита: кроткий сердцем, простой, безмерно милостивый и любвеобильный, бывало, вспылит на минуту и гасит эту вспышку слезами покаяния.

Архимандрит Игнатий был замечательно нестяжателен и несребролюбив; бывало, казначей принесет ему жалованье или долю по разделу братской кружки, — он и в руки не возьмет, и даже не сосчитает, а скажет казначею: «Положи, батенька, в налойчик», — и из этого налойчика брали келейники и расходовали по его распоряжению. Стол его был неприхотлив, он употреблял более растительную пищу и какие-либо кашицы, и то весьма умеренно, тогда как на вид он не представлял из себя постника или больного. Полный, румяный, он казался пользующимся совершенным здоровьем и, по мнению многих, изнеженным, а в сущности был изможден болезнями.

В зимнее время он почти никуда не выходил; в кельях устроены были тройные рамы, в небольшой гостиной стояли две печи, так что здоровому человеку невыносимо было сидеть в ней, а он входил в эту гостиную

в рясе, ваточном подряснике и в катанках на ногах. Келейники часто надоедали ему советами держать температуру попрохладнее, уверяя, что будет для него здоровее. Старец покорится, бывало, своим попечительным чадам и непременно простудится: «Ну вот, послушал вас и простудился, болен. Тело мое, истомленное болезнями, требует большего тепла». Уйдет и затворится в своей теплице — в спальне.

Келейная его одежда была также незатейлива: мухояровой подрясник, не застегнутый на груди, на ногах катанки. Так и видишь его: ходит, бывало, по келье и потирает затылок или пишет у стола, или лежит в углу и читает книгу; вот постоянные занятия подвижника. Всегда приветливый, ласковый, в особенности со своими любимыми келейниками; он иногда шутил с ними и давал наименования каждому по его способностям.

В последнее время пребывания о. архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни началась перестройка зимней Сергиевской церкви. Хотя просторная церковь была необходима, но он неохотно принимался за новую постройку, опасаясь войти в новые долги, потому что и старые его тяготили. Настоятель поручил своему первому келейнику, Маленькому Игнатию, всю заботу по постройке, как приобретение средств, так и заготовку материалов и самую постройку, и все совершилось во славу Божию, без особенных затруднений, за молитвы старца. Храм преподобного Сергия был окончен и освящен уже по отъезде Преосвященного Игнатия на епархию.

Два замечательных случая были при освящении этой церкви, которое было совершено 20 сентября 1858 года Преосвященным митрополитом Григорием. Когда началось священнослужение, все окна и двери были заперты, вдруг неизвестно откуда влетел голубь и сел на иконостас над царскими вратами и просидел все время освящения и Литургию, не слетая с места; когда и как он улетел, никто не мог заметить.

Второй случай: Высокопреосвященнейшему митрополиту не понравились Царские врата нового храма, весьма ценные, с изображением двенадцати апостолов. По мнению митрополита, следовало изобразить Благовещение и четырех Евангелистов, и он приказал настоятелю, преемнику Преосвященного Игнатия, непременно выставить их и сделать другие. Настоятель, затрудняясь исполнить волю архипастыря, за неимением средств, просил позволения окончить врата, для которых заказаны были серебряные ризы на апостолов; но митрополит не соглашался. Архимандрит томился недоумением и молчал, не сообщая об этом никому из братий во избежание пересудов.

В том же году в декабре митрополит Григорий был опять в Сергиевой пустыни по случаю погребения статсдамы Мятлевой и подтвердил свою

волю настоятелю, чтобы тот переменял Царские врата. В ту же зиму скончался архипастырь, и настоятель еще более мучился совестью, что не мог исполнить его приказания, и врата стояли неоконченными.

В сороковой день после кончины митрополита приходит к настоятелю родной брат его, проживавший в Сергиевой пустыне, ризничий иеромонах Платон и говорит, что видел во сне митрополита Григория. «Владыка сидел посреди церкви на амвоне, — говорил о. Платон, — а я выходил из алтаря и нес мешок с хлебцами; митрополит подозвал меня к себе и сказал: "Раздайте эти хлеба на помин души моей, а ты скажи своему брату, пускай окончит Царские врата"». Удивленный и обрадованный настоятель возблагодарил Бога, что покойный Владыка развязал его совесть, и тут же рассказал о своем затруднении брату, предварительно ничего не знавшему. Царские врата немедленно были окончены.

Из записок схимонаха Михаила Чихачева:

Явление епископа Игнатия, описанное видевишею его в Москве А. В. Жандр на 20-й день по кончине его, 1867 года 19 мая:

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, как дошла до меня весть о кончине Владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбью, невыносимую, горькою. Ни днем, ни ночью не покидало сердца ощущение духовного сиротства. И душа, и тело изнемогли до болезни. Так прошло время до двадцатого дня по кончине Владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Тайн в одном из женских московских монастырей.

Так сильно было чувство печали, что даже во время Таинства исповеди не покидало оно меня, не покидало оно меня и во время совершения Литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые Тайны, внезапно в душу мою сошла чудная тишина и молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, живая, ощутилась в сердце. Так же внезапно, для меня самой непонятно, печаль о кончине Владыки исчезла.

Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи, стала по указанию матери игумении на левый клирос прямо против иконы Успения Божией Матери. В сердце была молитва, мысль в молчании сошла в сердце, и вдруг, пред внутренними глазами моими, как бы также в сердце, но прямо против меня у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего святителя — красоты, славы, света неописанных! Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика,

я услышала голос, мысль, поведение, — луч света, ощущение радости, проникнувшее все мое существо, — которое без слов, но как-то дивно передало моему внутреннему человеку следующие слова: "Видишь, как тебе хорошо сегодня. А мне без сравнения так всегда хорошо, и потому не должно скорбеть о мне".

Так ясно, так отчетливо я видела и слышала это, как бы сподобилась увидеть Владыку, слышать от него лицом к лицу. Несказанная радость объяла всю душу мою, живым отпечатком отразилась на лице моем так, что заметили окружающие. По окончании Литургии начали служить панихиду. И какая это была панихида! В обыкновенных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни бесконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной, воинствующей Церкви воина Христова в небесную Церковь торжествующих в невечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день, таким праздником ликовало все вокруг меня, и в сердце такая творилась молитва.

Вечером того же дня я легла в постель: сна не было. Около полуночи, в тишине ночи, откуда-то издалека донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все больше и больше приближались звуки: начали отделяться ноты церковного пения ясно, наконец стали определительно, отчетливо выражаться слова... И так полно было гармонии это пение, что невольно приковывалось к нему все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и плавно сливался этот гул с мягкими, бархатными тенорами, с серебром рассыпавшимися альтами, и весь хор казался одним голосом — столько было в нем гармонии. И все яснее и яснее выделялись слова. Я отчетливо расслышала: "Архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало". И вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, сказалось внутреннему существу моему, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов.

Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что Владыка учил не внимать подобным видениям и слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно старалась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение все продолжалось помимо меня, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала с постели, подошла к окну, отворила его: все было тихо, на востоке занималась заря.

Утром, проснувшись, к удивлению моему, я припоминала не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова. Целый день, несмо-

тря на множество случившихся житейских занятий, я находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывками, непоследовательно припоминались слова, хотя общая связь их ускользала из памяти. Вечером я была у всенощной: то была суббота — канун последнего воскресенья шести недель по Пасхе; канон Пасхи. Но ни эти песнопения, ни стройный хор Чудовских певчих не напоминали мне слышанного накануне: никакого сравнения нельзя было провести между тем и другим.

Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать, но сна опять не было, и опять, только что начал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этот раз они были ближе, яснее, и слова врезывались в памяти моей с удивительной последовательностью. Медленно и звучно пел невидимый хор:

"Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало: писаньми твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Егоже носил еси в сердце твоём, даровати нам прежде конца покаяние!"

На этот раз, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще как-то неизъяснимым образом и моя сердечная молитва сливалась в общую гармонию слышанного песнопения, и сердце живо ощущало и знало, что это была торжественная песнь, которую небожители радостно приветствовали представившегося от земли к небесным — земного и небесного человека, епископа Игнатия.

На третью ночь, с 21 на 22 мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях. Это троекратное повторение утвердило веру и не оставило никакого смущения, запечатлело в памяти и слова тропаря, и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был сходен с напевом кондаков в акафистах. После, когда я показала голосом, какой слышала напев, мне сказали, что это осьмый глас».

А. В. Жандр пользовалась глубоким уважением своих современников. Знавшие ее лица отзывались о ней, как о человеке высокообразованном, глубоко религиозном и безупречно правдивом. Приведенное видение, глубоко назидательное, хорошо характеризует воззрения современников на личность святителя Игнатия.

Воспоминания последнего келейника святителя Игнатия Василия (Павлова), впоследствии иеромонаха Александро-Невской Лавры:

Владыка, на Бабайках живя, никогда не ложился спать раздетым, и ночью он спал одетым, т. е. в сапогах и в подряснике: это для того, чтоб

всегда быть готовым на дело Божие. Вставал он в шесть часов утра большею частью, выпивал две чашки чаю и затем молился; затем читал Евангелие, после этого писал сочинения или подписывал входящие и исходящие дела по монастырю, но это дело занимало времени весьма мало.

В двенадцать часов дня он обыкновенно кушал; кушанье состояло, большею частью, из двух блюд: ухи и каши; это были самые излюбленные его кушанья. Вина на Бабайках никакого не пил Владыка, и у нас его не имелось в буфете; если требовалось иногда на случай приезда гостей, то это бралось от отца архимандрита Иустина. Часто мне приходилось слышать от Владыки следующие слова: «Ах, Васенька, как надо благодарить Господа за то, что Он привел нас в такое тихое пристанище». В три часа, после обеда Владыка опять пил чай, после чаю часа полтора я читал ему Евангелие или жития святых, или преподобного Дорофея: это собственно делалось для меня.

Я занимался на Бабайках с мальчиками, учил их чтению Священного Писания, арифметике, грамматике, чистописанию, и однажды, разгорячившись, ударил одного. Затем, разумеется, почувствовав, что это грешно, я пошел и сказал Владыке. Он на это мне сказал: «Ударь меня». Я ответил, что я этого сделать не могу; тогда он мне сказал: «А если ты меня не можешь ударить, как же ты ударил мальчика, который также создан по образу Божию?»

Дней за пять до кончины, вечером, когда я брал от Владыки благословение на сон грядущий и, поклонившись, сказал: «Простите меня, Владыко, елико согреших», — он вдруг поклонился мне тоже в ноги и сказал: «Прости и меня, Васенька».

Из записок Высокопреосвященного Леонида, архиепископа Ярославского:

Я пришел в церковь уже перед концом обедни и занял уголок у южных дверей верхнего алтаря. Передо мною стоял, спиною ко мне, архимандрит, стройный, высокого роста, с прекрасно расположенною линиею плеч. «Это о. Игнатий», — подумал я. Это тот самый человек, имя которого так часто, в продолжение пятнадцати лет, было у меня на устах; человек, жизнь которого была для меня образцом жизни монашеской, но на которого я смотрел как на существо для меня недоступное, хотя мне и удалось побывать у него в пустыни раза два или три после того, как зародилось во мне желание монашества.

Обедня кончилась: начали раздавать образа священникам для крестного хода. Архимандрит обратился ко мне, поздоровался и, заметив на мне магистерский крестик, сказал:

— Вероятно, Вы профессор здешней семинарии?

— И притом, — отвечал я с поклоном, — человек, некогда имевший счастье быть Вам известен, но которого Вы, вероятно, никак не припомните. Это было в Петербурге, десять лет назад, и притом я был в другом, именно в военном платье.

— Во флотском мундире, — прервал меня о. Игнатий. — Очень польщен и чрезвычайно рад увидеть Вас и снова познакомиться с Вами.

Пока крестный ход продолжался, мы сидели в гостинной митрополита. Отец Игнатий расспросил меня о ходе моей жизни после того, как расстался я с ним, и сказывал, что время от времени он вспоминал обо мне, и изъявил удовольствие, что я помню его. Когда о. Игнатий услышал, что я никогда ни на один день не переставал помнить его, всегда благодарный за те наставления, которые нашел для себя благодетельными и жизненными, он отвечал мне: «У меня, отец Леонид, будет просьба к Вам: не забывайте меня в своих молитвах. Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою».

Я слышал, что архимандриту Игнатию со стороны духовных дали знать, чтобы он просился на покой. Это дошло до Великой Княгини Марии Николаевны, она стала просить Государя. Император предложил Императрице: «Ты давно не была в Сергиевской пустыни: съезди и скажи Игнатию, что я на покой его не отпущу, а если хочет, пусть для поправленья здоровья просится в полугодовой отпуск». Так и сделали, и о. Игнатий едет на Бабайки.

Я решился изъявить сожаление о. Игнатию, что он оставляет обитель, которая без него должна будет возвратиться в свое прежнее состояние, и надежду, что его не отпустит Государь. Архимандрит ответил: «Я должен со своей стороны сделать все, что требует от меня мой взгляд на самого себя. Управление нашей обителью чрезвычайно трудно. Это монастырь полуштатный, полуобщежительный, и состоит совершенно в особенных отношениях. Например, обитель наша держится, главным образом, клиросом: иногда надобно было выискивать человека из мирян и держать его для хора, где он необходим. Впрочем, благодаря Богу, у нас есть внутри монастыря своя особенная духовная ограда: общение некоторых, с которыми мы более близки. Монашество в настоящее время находится в тех условиях, в каких была Церковь Христова в века язычества. Это не корабль, а множество людей, рассеянных по треволнению житейскому, которые должны общением молитв, письменных и иногда личных сношений путеводствовать друг друга. Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила Святых Отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи: они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстановить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители».

Сквозь стеклянную дверь я увидел входящего нашего отца ректора и сказал о. Игнатию с замечанием: «Вот израильтянин, в нем же лъсти несть». Он отвечал, что уже наслышан о нем, и пошел рекомендоваться. Отец Евгений держал себя свободно, но из них никто не хотел принять на себя роли хозяина, и они продолжали говорить стоя. Пришел о. наместник, началась закуска.

Затем отец наместник куда-то скрылся, ректор также. Отцу Игнатию что-то говорил казначей. Между тем стали накрывать на стол. Пока профессор, прибывший с архим. Никодимом, расспрашивал меня о наших профессорах, я заметил, что ректора, сидевшие прямо против отца Игнатия, начали разговор и мало-помалу превратили его в шепот между собой, а гость остался сам с собою. Я подошел к нему и, так как в то время начали наезжать академические, давал ему разные сведения о каждом.

Отец наместник явился наконец, извинившись, что должен был служить панихиду по святителям. Отцу Игнатию уступили первые места за столом в другой зале. Он говорил мало — более молчал.

Узнав от моей матушки, что я ищу случая увидеться с ним и живу для этого в Академии, архимандрит Игнатий обещал, как скоро найдет свободную минуту, прислать за мною.

После обеда я гулял с отцом Сергием в Пафнутьевском саду. С ударом колокола к вечерне мы отправились домой; а против кельи отца Игнатия встретили меня два посланных за мною. Отец Игнатий стоял у окна: благородный овал его свежего румяного лица, в легкой тени уже не прежних кудрей, очень памятен. Мы выпили по чашке чаю, после чего разговор едва завязывается, — он только успел узнать ход моего дела о монашестве и о совершенном, слишком быстром расстройстве моих семейных дел, — как явились к нему с приглашением идти в ризницу: он стал было отказываться усталостью, просил обождать до завтра, но просили настоятельно. «Нечего делать — подай мне крест».

Он пригласил меня в спутники. У входа в ризницу стояли ризничий, казначей и о. наместник. Отец Игнатий был изумлен и, вероятно, очень рад, что не дал отказа. Отец Антоний повел его через коридор на лестницу. Архимандрит Игнатий редко позволял себе замечания и вопросы, смотрел внимательно, но молча, без знаков удивления и восклицательных. На мою заметку, что по древним пеленам с изображением преподобного Сергия другие думают обличить благословляющую руку раскольничью, о. Игнатий заметил: «Но большой палец большею частью не виден, и спор неразрешим. Изображали в те времена и так, и этак, потому что не обращали на крестосложение, как на мелочь, никакого внимания, доколе не возникли споры».

Из ризницы повели нас в амбары хлебные, в пекарню, в хлебную, в странную, в больницу, в училище. Все в отличном порядке и чистоте: верно, и Государь Император остался бы отлично доволен.

Из монастыря перешли во флигель призрения. Осмотрели больных, неизлечимо немощных женщин и убогих, и старушек — все опять так же чисто, благоустроено... Мы дошли до крошечных комнат смотрительницы дома призрения женщин княжны Цициановой, старой грузинки. Наместник спросил чаю. Отец Антоний, вначале сухой, официальный, развертывался мало-помалу, сводя разговор на пустынножительство Саровское, — материя у него неистоцимая. Он был подчас очарователен в своих описаниях. Отец Игнатий молчал. Наместник был решительно искренним пред своим гостем. При всей моей предрасположенности к отцу Игнатию, я почти был не за него.

Выходя, о. архимандрит благодарил отца наместника и, обратясь к княжне, сказал: «Ваша роль благородная и для многих завидная. Вы несравненно более живете в обществе и для общества, нежели те, кто фигурирует на балах столиц».

На следующий день после обедни о. архимандрит позвал меня. Подали чаю и аккуратно нарезанный благословенный хлеб. Разговор скоро завязался, и больше часа говорил он: я слушал в сладость. Вот содержание нашего разговора.

«Все в нашей деятельности, — говорил я, — должно быть направлено к истине и добру, и это двойственное стремление должно иметь выражение прекрасное. В первом случае относительно истины, что касается жизни нетленной, меня затрудняет неумение предоставить всего вере, частое уклонение от простоты Христовой. Кроме того, какое-то равнодушие к полезному труду умственному приходит нередко исказить благообразное течение моей келейной жизни. Причину этого равнодушия я вижу. Во время моего духовного образования я был раздвоен между новою для меня наукою и тяжелыми семейными отношениями. От этого и еще от иных причин в духовной учености моей остались пробелы: их надо восполнить, а между тем, я уже в таком возрасте, когда другие давно действуют.

Эта несвоевременность занятий ученических, эта безызвестность их убивает рвение. Я не пришел еще в уныние, я знаю по неоднократному опыту, что во мне есть энергия, что, когда принимаюсь за труд, цель которого определима и близка, тогда я не знаю усталости. Но без прямой цели предпринимаемые мною труды начинаются так и сяк, продолжают кое-как и кончаются ничем. От этого в жизни получается какая-то неопределенная вялость, которая выносятся и в жизнь внешнюю. Душа начинает тяготиться всем: и кельею, и выходами, и делом, и праздн-

стью. Боишься, чтобы безуспешная борьба не повергла в уныние, и предаешься равнодушию. Пусть меня несет теперь, куда хочет, вал страшный — девиз такого состояния души. Благодарю Бога, что сподобился благодати священства. Это одно поддерживает. Когда слишком тяжело и грустно, выпрашиваю у очередного иеромонаха дневную череду богослужений и потом на несколько времени успокаиваюсь.

Начинаю часто с того, что после вечерни привожу в порядок свои комнаты, потом принимаюсь за работу, но и это до первой неудачи, до первой устали или до первой встречи с приятелем. Как скоро сделал перерыв — все приходит в хаос. Оставляю келью и ухожу в жизнь, но и тут тьма недоумения. Затвориться в своей келье не могу: по своему характеру и отношениям, люблю уединяться на время, для собрания себя, но потом жизнь общественная мне необходима. Вижу пример великих подвижников благочестия, которые духовно образовались в пустыне и уже потом выходили в мир на дело свое: они выходили уже из пустыни победителями страстей. Для меня жизнь уединенная представляется опасною не потому только, что она воздвигает сильнейшие брани, но и потому еще, что мне непременно придется оставить свою келью прежде, нежели уединение приведет меня к каким-нибудь желанным результатам, и тогда в миру будет для меня хуже прежнего.

Я вырос между женщинами, встречался и беседовал с ними совершенно спокойно — по крайней мере, большею частью, — а теперь, как ни желаю успокоить себя в беседе с женщиною: смотреть на нее прямо, говорить с нею просто, обращаться со всякою чистотою, — прихожу в смущение при всякой встрече с особами другого пола. А затем я не знаю, должен ли совсем отказаться от этих встреч или только быть осторожнее и определить себе меру этих опасных отношений.

Надобно вообще сказать, что в этом определении меры беспрерывно ошибаюсь. Думаю, что как в келейной, так и во внешней жизни каждый должен заботиться о благообразии во всех своих поступках, во всех своих положениях и отношениях. Но из благообразия в уборке жилища вдаюсь в щегольство благообразия, в многоглаголанье и кокетство; даже совершая богослужение, впадаю в тщеславие; самая свобода товарищеского обращения делается сетью празднословия, злословия, смехотворства; хороший стол непременно увлекает в чревообъядение. Вообще неумеренность и тщеславие — постоянно нападающие на душу враги.

Оставаться в этом настроении особенно помогает трудность следить за собою, давать себе периодические, частные и искренние отчеты, из которых можно было бы составить отчет для таинства покаяния. Знаю, что должно искоренить основание того или другого греха, и тогда не

будет греховных действий, и поэтому надо следить за всеми своими поступками. Но в этом случае боюсь, чтобы преследование частных не сделало меня скрупулезным, мелочным человеком; с другой стороны, опасаясь, чтобы упущение из виду подробностей не послужило бы мало-помалу к угождению плоти».

В следующем монологе заключается некоторый очерк ответов о. Игнатия на этот свод моих недоумений:

«Очень рад, что вижу Вас в чине монашеском и в сане священства. Это дает свободу и значение нашему собеседованию. В деле учения, отец Леонид, помните слова Христовы: *всяк книжник, наученный царствию Божию, подобен человеку домовиту, износящему из сокровища своего новое и ветхое* (Мф. 13; 52). Не оставляйте науки светской, сколько она служит к округлению духовных наук: приложение к духовной, чтобы дать вопрошающему отчет в Вашем уповании. Идите своею дорогою, но помня о светской науке, что она должна быть для Вас только орудием, а о своих богословских системах — что одна система есть скелет правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала Вам его и большего от нее не требуйте: она сообщила Вам все, что могла.

Если мы будем говорить так образно — в том экземпляре скелета, который достался на Вашу долю, есть неполноты: спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у Вас времени. Потом Ваше дело — навести красу, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божиим, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитайте св. Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в пятой, шестой и седьмой главах. Эта жизнь простенькая. Апостол Павел велит узнавать, что есть воля Божия, благая и совершенная, и этим отсылает нас к начальным страницам Нового Завета, к св. Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место.

Исполняйте заповеди деятельней и незаметно перейдете к видению по Иоанну. Нечувствительно перейти на небо, если научитесь ходить по земле. Укрепляйте себя в жизни по заповедям посредством чтения семнадцатой кафизмы. Душа Ваша озарится, и Вы воскликнете: *"Закон Твой — светильник ногам моим и свет стезям моим"* (Пс. 118; 105)! — заповеди Божии станут, как пестуны, повсюду ходить за Вами. Таким только путем Вы созиждете на камне свою духовную обитель, в которую снидет Животворящая Троица, в которой будете Вы безопасны от знойного дыхания страстей и от потопа всяких бедствий. Недостаток такого внутреннего делания причиною того, что многие из наших ученейших

священноначальников слабы духом, всегда боязливы и скоро впадают в уныние.

Изучайте Писание согласно с учением Святых Отцов. Для этой цели полезно заниматься греческим языком: у нас так мало хороших переводов учительских отеческих творений. Вы ознакомитесь с теоретической стороною Отцов; в Деяниях Соборов узнаете их жизнь, что особенно поучительно. Исследуйте также ереси: еретики становятся лукавы и жестоки сердцем и телом; поэтому, сколько в историческом, столько и в психологическом отношении важно исследовать борьбу Церкви с этими домашними врагами.

Вообще, работайте Господеви, не спешите с этим самообразованием — скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог — никогда: Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет усердие и чудесно восполняет недостатки. Делайте все ради Бога. Сколько правило это важно в учении, столько же и в жизни...

Вы находитесь в отношениях сына, обязанного заботиться о семье своих родителей. Обязанность прекрасная; Вы захотели согласить с нею жизнь монашескую и избрали дорогу училищной службы. Святой Кассиан рассказывает с похвалою об авве А., который был вызван из своего уединения обязанностью сына и не потерял на небе мзды монаха. Будьте постоянны, спокойны. Формируйтесь в жизни общественной, и она совершит Вас; только, помогаете ли родным, обращаетесь ли в обществе — все делайте для Господа, а не для плоти. Не смущайтесь от преткновений, но ведите жизнь сокрушенную и научитесь смиренному-дрию: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50;19).

Затворничество опаснее может быть для Вас, нежели общество. Келья воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете, ибо душа Ваша еще находится под влиянием вещества, она еще не созрела. Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость или уныние. Выходите к обществу, как в свою школу. Будьте осторожны, но благоразумную осторожность отличайте от мнительности и мелочности. Возвратившись в келью, поставьте себя перед Богом, в сокрушении и в простой сердечной молитве исчислите свои согрешения, и смело и спокойно продолжайте свое внутреннее делание. Постоянное, но спокойное наблюдение за собою даст Вам способ приготовиться к верному отчету пред Богом, к исповеди плодотворной.

Скажу Вам, что мнение Отцов о самоиспытании и исповеди таково: мы получаем от духовника отпущение грехов содеянных, а не тех, которые находятся в нас в возможности склонности к греху. Поэтому ду-

ховнику должно знать, в чем Вы и как прегрели. Покажите ему, в каких грехах, как фактах, выразилось греховное направление Вашей воли, откройте слабые стороны Вашей души чрез указание, какие грехи чаще поражали Вас, ничего не утаивайте, ничего не прикрывайте, не переиначивайте, но избавьте исповедника от перечисления пред ним всех мельчайших обстоятельств, всех подробностей, за которыми и сами Вы никогда не уследите. Духовник не поймет Вас, а себя Вы затрудните: оцепивая комара, проглотите верблюда. Заметив за собою грех, не забывайте его и со временем упомяните о нем на исповеди, представив в чертах существенных и полных, а в подробностях нехарактеристических, удобно ускользающих из памяти, принесете сердечное раскаяние пред Богом, повергнитесь пред ним с сознанием своей мерзости и, *оставляя задняя, простирайтесь вперед* (Фил. 3; 13). Изгоняйте грех, не будет и подробностей грехопадения.

Не будьте мелочны в образе жизни. Не *сообразуйтесь с веком сим*, но *преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12; 2), — это первое. Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы Святых Отцов поражены, правила их рассеяны светскими указами. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общежитиях, и в пустынях и, наконец, в светских домах и светских одеждах городских — это явление особенно свойственно нашему веку, ныне не должно удивляться, встречая монаха во фраке. Поэтому не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна; вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма, как внешность, есть случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина свободит вы* (Иоан. 8; 32), а Истина есть Христос: облекитесь во Христа и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и, вместе с тем, в самой современной одежде. *Христос вчера и днесь той же и во веки* (Евр. 13; 8)».

Так говорил мне отец Игнатий, и мне особенно приятно было то, что в его словах было много нового, но было и довольно таких мыслей, которые, не будучи долею общественного мнения, давно были собственными моими. Я был рад увидеть их в таком человеке, как в верном зеркале. Я благодарил отца архимандрита за беседу, которая в Лавре святого Сергия была как бы продолжением той, которая ровно за десять лет до того была начата в пустыни святого Сергия. Хотелось быть и еще, и еще с ним, но я знал, что он ожидает только приезда в Лавру графини Шереметевой, по ее просьбе, и сам спешит в дальний путь; к тому же и день почтовый. Он с приветом своего любезного слова и очаровательной улыбки и с благожеланием простился со мною. Я отдал ему от полно-

ты души глубокий поклон; он поклонился, вижу, еще ниже, и кончилось тем, что мы пали друг другу в ноги. Он поручил мне отправить по почте одну духовную книгу в Бородинский монастырь.

После приятно мне было слышать от А. В. Горского, что, когда о. Игнатий в сопровождении его и отца ректора Академии ходил по академической библиотеке, то произвел самое приятное впечатление на Горского, прежде всего, своею необыкновенною кротостью, которая не ускользнула и от внимания других: *кротость ваша разумна да будет пред всеми людьми* (Фил. 4; 5). Он говорил мало, и, когда уже было совершенно очевидно, что все преимущество в знании на его стороне, и тогда он умел, чтобы не оскорблять чужого самолюбия, дать заметить, что это знание очень обыкновенное для человека, стоявшего в его положении, так как он высказывал свои мнения большею частью о литературе аскетической. «Здесь, — говорил Александр Васильевич, — видно было, что он имеет не просто обширную начитанность, но глубокое понимание и основательную ученость: ибо он выражал свои мнения о некоторых переводах, где тотчас показал, что занимается предметом, как знаток дела и знакомый с древними языками».

Отец Игнатий выписывает новое парижское издание греческих и латинских западных отцов Церкви.

— Вот какие есть у вас в монастырях архимандриты, — заметил я Амфрову.

— Но ведь это единственный!

Отец ректор Академии приказал молодым монахам быть на обеде в Вифании, именно потому, что там будет человек, от которого можно научиться, как обращаться и держать себя в обществе человеку духовному. И тут отец Игнатий взял всем: ученостью, аккуратностью, обращением.

Игнатий Брянчанинов: афоризмы, мысли, изречения

Нет слепого случая! Бог управляет миром, и все, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем.

Все мимо идет — и хорошее, и худое, — а ни человеки, ни бесы не могут сделать того, чего Бог не попустит.

От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу, а от покорности Богу — мир помыслов и спокойствие сердца.

Если нет ни одного случая, который бы утаился от Бога, то за все случаемое надо славословить Бога.

Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедляют подтвердить и утвердить это учение Евангелия.

Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога...

От зренья промысла Божия образуются в душе глубокая кротость и неизменная любовь к ближнему, которых никакие ветры взволновать, возмутить не могут.

Над временами, общественными событиями и частными судьбами зрится Бог.

Христианин, смотрящий неуклонно на промысл Божий, сохраняет среди лютейших злоключений постоянное мужество и непоколебимую твердость.

Пред видением Божественного промысла не устаивают не только временные скорби, но и те, которые ожидают человека при вступлении его в вечность, за рубежом гроба.

Христианин никогда и ничем не должен смущаться, ибо Промысл Божий носит его на руках своих. Наше попечение должно состоять в том, чтоб мы пребывали верными Господу.

Поражение одного воина не есть уже побеждение всего войска.

Престолом и покоем, так сказать, для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и, последовательно, все святые заповеди Христовы.

Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповеди, читай его делами. Это — книга жизни, и надо читать ее жизнью.

По Евангельским заповедям мы будем судимы на суде, установленном от Бога для нас, христиан православных... мы будем судимы по Евангелию, что небрежение о исполнении Евангельских заповедей есть деятельное отвержение Самого Господа.

Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуешься с Евангелием.

Очищение совершает Святой Дух в человеке, выражающем жизнью произволение к очищению.

Исповедание Бога устами без исповедания деятельностию и сокровенною жизнью сердца при одном исполнении некоторых наружных обрядов и постановлений церковных признается пустым, душепагубным лицемерством.

Духовное рассуждение приобретает чтением Священного Писания, преимущественно же Нового Завета, и чтением святых Отцов, которых писания соответствуют роду жизни, проводимой христианином.

Для спасения необходимо, чтобы крещенный во Христа жительство-вал по законодательству Христа.

Пребывание в усыновлении Богу, доставляемом через святое кре-щение, поддерживается жизнью по евангельским заповедям. Теряется пребывание в усыновлении отступлением от жительства по евангель-ским заповедям.

Человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом: ис-целение состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас дей-ствовать более добро.

Мысль подобна рулю корабельному.

Ум — царь в человеке.

Божественное добро не должно быть отвергаемо, если некоторые или многие, употребили его во зло.

Гораздо маловажнее беснование, нежели принятие какого-либо вра-жеского помысла, могущаго на веки погубить душу.

В покаянии — вся тайна спасения.

Смирение не видит себя смиренным.

Ложное смирение — всегда с сочиненною наружностью: ею оно себя публикует.

Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник мо-литвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено пока-яние, что покаяние не сделалось источником, душою, целию молитвы.

Фарисей, оставляя исполнение заповедей Божиих, составляющих сущность Закона, стремится к утонченному исполнению наружных ме-лочей...

Много и часто мы вредим себе, требуя от себя несвойственного нам.

Безрассудно искать невозможного.

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним. Ненависти к ближнему предшествует осуждение его, уничтожение, злос-ловие, презрение к нему, иначе — гордость.

Делай, что можешь полезного и что позволяет закон, твоим люби-мым; но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетливая лю-бовь твоя обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую.

Надо отдать всех людей Богу. Этому научает нас и Церковь; она гово-рит: «Сами себя, и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

Не доложить бремя на ближнего — не беда; переложить — и ближ-ний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему неспособным.

Раб Христов не может быть врагом чьим-либо.

Истинное послушание — послушание Богу, Единому Богу.

Вера в человека приводит к испугленному фанатизму.

Душепагубное актерство и печальнейшая комедия — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований...

Будьте свободны! не связывайте себя никакою скрупулезностью. Правила для человека, а не человек для правил.

В жительстве твоём сохраняй благоразумную соразмерность, не связывая себя количеством.

Обрати все внимание на Евангельские заповеди, ими неси себя в жертву живую, благоугодную Богу. В наружных действиях, не имеющих никакого влияния на душу, как например, в перемене платья и тому подобных, будь решительно свободен.

Путь к Богу — молитва. Душа молитвы — внимание.

Сколько вредно воздержание, столько вреден, или еще более, неумеренный пост.

Немощь священника, как человека, отнюдь не препятствует совершению Таинств, совершающихся по причине благодати священства, кторою облечен человек, а не по причине собственных его достоинств, хотя и приятно видеть в одном лице соединение достоинств собственных с дарами благодати.

Ересь — ложное учение о христианстве. Ересь — грех ума. Сущность этого греха — богохульство.

Все древняя ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: оне отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшая наиболее стремятся отвергнуть действия Святаго Духа...

Лишенные славы христианства не лишены другой славы, полученной при создании: они — образ Божий.

Временное богатство названо неправедным, потому что оно — следствие падения.

Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное.

Желание видеть знамения служит признаком неверия, и знамения даны были неверию, чтобы обратить его к вере

Занятия по дому и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и облегчают уму невидимую его борьбу.

Константин Чахиров